

* * *

Где нет меня,
И никогда не будет,
И не было —
Подумаешь, меня...
Там тишина, по крышам семеня,
Разбрасывая страсти семена,
В чужие входит ноющие груди,
И незнакомые, пустые имена
Звучат, живут, как будто это — люди.

Дома, квартиры, комнаты, полы
И трещинки в подгнившей половице —
Всё может под ногами подломиться
И выпорхнуть — фьюить! — из-под полы
Хитона, тоги, рясы, сюртука,
Камзола, фрака, пиджака и куртки, —
Как испугнутые выстрелами утки,
Как всхрапы недобитого быка.

Но я, где нет меня,
Конечно, не увижу
Ни всполохов далёкого пространства,
Ни всплеска испаряющейся жижи,
Хотя — есть способ.
Есть гремучий транспорт.
Ползучий транспорт. Насекомый транспорт,
Способный протащить сквозь — ближе, ближе...
В одном из члеников его — найдёшь ячейку
Иставишь левый глаз в проём его окна,
Где скачет лес, какой-то странно-чей-то.
А чей? А непонятно ни хрена.
А за стволами, под кустами — нет меня.
И между цепкими мостами — нет меня.
В собаках, мучимых глистами, — нет меня.
В устах, скрепляемых устами, — нет меня...
Перечисление — оставим. Нет меня.

Оно — огромное, чем там, где есть я,
И занимает не одно созвездье,
И даже то, что управляет мной.
А потому — смирись. Не всхлипывай. Не ной.
Где нет меня, там я не променял
То, чего не было, на то, чего не будет.
Там настоящие чужие люди
По-настоящему не знают про меня.

'ΑΠΑΤΟΥΡΟΣ

Море, море, отдай мне, верни мне город,
Город Патрей, город Патрей на Боспоре!
Дно обнажи, где Гефеста ржавый молот
И Афродита — в водорослевом уборе...
И Афродита, а вокруг — рыбы, рыбы...
Лоб её в оспинах: соли морские изъели.
Крошево храма — глыбы, глыбы, глыбы...
Мраморный мусор — колонны и капители.
Эллин с трепетом заклинал её: «Апатурос!» —
Нет богини страшней моей Афродиты.
Эллин грозил амазонке-рабыне: «Дура!
Да поцелуй меня!» — Та ему: «Да иди ты».
Вот и теперь загорелой пышной казачке
Вялый турист, от портвейна вчерашнего жёлтый,
Спотыкаясь, бормочет: «Да я на карачках
Ползать ведь буду, блин!..» — А та ему: «Да пошёл ты».
Любишь — не любишь, выпьешь — не выпьешь, тонешь — не тонешь...
Бросишься в реку Москву — доплывёшь до Патрея.
С доньшком амфоры в мокрых, дрожащих ладонях
Выйдешь на берег небритым гипербореем.
Море, верни мне меня, слышишь, море!
Я ж не турист! Я же дикарь, археолог!
В город Патрей, в город Патрей путь долог.
В город Патрей верни меня, что на Боспоре.

ПАУКИ И МУХИ

I

Прибавленье в семействе. Дородная мать-паучиха
Родила семерых паучат, закусив неудачником-мужем.
Паучата пока что малы и пугаются каждого чиха
И мушиный паштет ожидают от мамы на ужин.
Как огромен их мир! — застеклённая тёплая спальня,
Где живёт тихий мальчик, и мама зовёт его Димой.
Он мечтает о Марсе, читает роман завиральный,
Но в больнице сказали: он болен неизлечимо...
Паучата глядят на него — как в глазищах колеблются блики
И мохнатая пыль осторожно садится на спину.
Мальчик скоро уснёт, окружённый рядками гвоздики.
Постаревшая мать обметёт по углам паутину.
Но покуда врачи с сожаленьем разводят руками,
Мальчик изо дня в день наблюдает за пауками.

II

На границе меж ха́осом и ха́бсом,
Где топорщатся жёлтые клеёнчатые обои,
Неизвестного пола жужжащие особи
Доживают пространство за раковиной, под трубою.
Дожёвывают едкие комочки
Пасты зубной... На излёте лета
Никакие боги не в силах помочь
Перебирающим лапками на липкой ленте, —
Даже те, что заходят, скрипя телесами,
И сосут пустоту пористыми носами.

* * *

Простая хазарская женщина
Готовит рыбную похлёбку.
На печи у неё — горшок.
На шее — собачий клык.
А муж собирается на войну,
Начищает до блеска медные бляхи,
Перетягивает тетиву лука,
Точит булатный меч
И чешет гриву коню.
А простая хазарская женщина
Готовит рыбную похлёбку.
В печи у неё — огонь.
А на шее — укуса след.
Ибо муж собирается на войну
И в предвкушении битв,
А главное — когда запястья
Сжимаешь женщин славянских,
А они кусают пальцы,
То можно сейчас и — жену.
Которая готовит рыбную похлёбку.
А муж собирается на войну,
И начищает, и перетягивает, и точит, и чешет...
А в печи у неё — зола.
А в шее — стрела торчит.
Ибо славянская женщина
Тоже — похлёбку.
И мёд.
Варит.

ПРОРОК ИОНА И ПОЖАР АЛЕКСАНДРИЙСКОЙ БИБЛИОТЕКИ

Изблеванный из чрева кашалота,
Зловонным недоваренный сычугом,
Ни жив ни мертв, подавлен и напуган,
Пророк Иона на песке упругом
Лежал, уткнувшись в небо кадыком.
И море — разжижённое болото —
В припадке ежедневной истерии
Строфическое нечто мастерило
И даже с маяком Александрии
Шушукалось классическим стишком.

Пророк Иона, обличенный властью
Над временем, а море — над пространством,
Вершат закон вселенского засранства.
О торжество классического хамства!
О пламени трескуче-пылкий зык!
Как пахнет курдюком из бурой пасти
Араба! Сколько сил в зубах коротких!
Как булькает слюна густая в глотках!
И пересохло нёбо... Как в колодках,
Мертвеет обескровленный язык.

Рвут на себе волосья греки, копты,
Закапывают золото евреи.
Никто не верит, что настало время,
Когда все алчут и никто не верит,
Когда счастливей всех безносый раб.
Торгуют мудрецами только оптом,
Купить их можно сразу и в рассрочку.
Пророк Иона, съёживаясь в точку,
Бесмысленно глядит, как по песочку
С отдавленной клешнёй хромает краб.

Всё заново начнём! — Как Иоанны,
Родства не знавшие. Как новых римлян
Мы их, потливых, в древних термах примем.
Так весело забиться в новом ритме
И новые нащупывать слова!
Пророк Иона — и арабы... Странно.
Тут хронология с большим заскоком.

.
Желудочным не съеденная соком,
Угрюмо зреет на шесте высоком
Его отпиленная голова.

ПИСЬМА К ОПАЛЬНОЙ ИМПЕРАТРИЦЕ

В.О.

I.

Мнится мне, что двуглавый орёл
Не орёл, а орлица.
Или даже орлиха.
У придворных надтреснуты лица...
Лихо.
На них наорал,
Взял и, вместо того чтоб напиться,
Пошёл войной на Иран.

Листья сморщились и опали,
И теперь вы в опале.
А в апреле
Вы примеривали жемчуга
И мечтали
О таком волшебном опале,
Чтоб наставить тихонько рога
И никто б не заметил...

Да ради та-
ко-
ва ка-
мня

Вы бы, ему бока мя,
Выболтали бы всё на свете,
Выдали бы всех своих дядь,
Ждали бы их дыба и плети.
Но не судьба ждать.

Дяди уже в могиле
С тётями поостыли.
А вы — на краю земли,
Где не водится тли —
По причине того, что столичной,
Цареградской то есть, тле, зябко весьма.
А я, на том не заканчивая письма,
Предвижу растущую брешь, но
Успехов желаю в жизни личной
Себе, конечно.

II.

Перед Авророй утóпал сугробы
Рим, четвертованный шапкой-ушанкой.
Златоустáми молитовку шамкал,
Ясным челом озарял низколобых.
 Почему я такой знобый
 И при этом — такой шалый?

Шаркая ножкой, колышутся бабы,
Хлюпяя носом, колеблются дети...
Сети небесные, хитрые сети,
Их уловляют, доверчиво-слабых,
Дабы великое сморщилось в малом
И захлебнулся плацентой зародыш,
Не сочинивший ни гимна, ни оды.
 Почему я такой шалый
 И при этом — уморыш?

Вымерли в Риме орлы да сапсаны,
А воробейчество хлеба канючит.
Снег — даже снег собирается в кучи,
Истовый самый и чистенький самый.
Лишь на морозце доходит бесспорно
(Иглы — под мышки, под рёбрышки — копы!):
На горожан — посмотреть исподлобья,
А на меня — даже плюнуть зазорно:
Тьфу! — и плевок на лету замерзает,
В душу вливается мне как сосулька.
Слёзка, не капай! Кровинка, не булькай!
 Почему я такой мерзавый
 И при этом — в носу козюлька?

III. ФОМА

Все мы привиты от столбняка,
А от влюблённости пока
Не прививают. А жаль.
Вот и жужжи, не желая зла,
Словно за шиворотом пчела:
Хочешь не хочешь — а жаль.

Но, ожидая от вас укус,
Лёгкого зуда я не боюсь:
Всё-таки слабый пол.

Да и последнего яда запас
Не на меня растрочен. Для вас
Писк эсэмэсок подл.

Правильно понял? Ранены вы?
Чувства банальны, слова не новы
И сверхдоступны ежу.
Можно (а вдруг!), любопытство тая,
Можно, пальцы немые я
В раны ваши вложу?

IV.

Всё дело в оттепели, в слякоти, во мне,
В оттаявшем зловонии мочи
Кошачьей, пробивавшейся вовне
Из-под льда и мякоти во мне,
Где кот скребёт и мякает: «Молчи!»
А я до вас никак не доскребусь,
Не домолчусь и пауз не дожму.
Забальзамированный бледный жмур
Разбух во мне, как дюжина бабусь,
Убитых вами по неосторожности.
А мне хотя бы — капелюшку нежности,
Хотя бы запятую, но — от вас,
Пускай вы даже и образчик важности,
А я — сплошной раздрай и переквас.
Всё дело в оттепели, в оттепели, в оттепели...
Вас разморозило, вам размешало лица!
А слово скажете — простое! — вот теперь
И кончик носа шевелится.

* * *

И.З.

Расчехли осторожно глаза.
Вынь из юного сердца заботу.
Пусть приходят! Приходят за
Тобой. Спросят: «Нежная, кто ты?»
— Обязательно спросят?

Ты ответишь, что ты — это ты.
Что волнуешься так от волнения.
Что в мечтах у тебя — мечты.
Что ты любишь стихов отворенье
И одно только стихотворенье.
— Только одно?

Слышишь, как под землёй — кроты?
Видишь, как — прогнулись мосты?
Ощущаешь — на спинах — кресты?
— Это что?

Это ты. Это я.
Тру-ля-ля.
Тра-та-та.
Тры-ты-ты...

* * *

И.З.

За последнее слово твоё осушу хоть смолы пиалу
И гранёный стакан, чёрти чем переполненный всклянъ.
Как прощальный привет отошли ядовиту стрелу
Из-под Корсуня-града да в город Тмуторокань.

Осыпается берег крутой, черепками сползая в залив,
И выходят купаться хромые кентавры в пальто...
Эх, смолою осадной глазища тупые залив,
Расплещу на ветру опостылевшее чёрти что.

Потому и не вижу уже — ощущаю свербящей ноздрей,
Как в туманную лужу, морщинистую до краёв,
Опускается вслед за таманской вечерней зарей,
Погружается в море
Последнее слово твоё.

* * *

И.З.

Отравительница-невеста,
В путь-дороженьку ли не пора
От таврических, блин, куэстов
За пороги, едрить, Днепра?

Из-под Корсуня-града выехать
Через Скифию и Боспор?!
Ишь, какой-нибудь дурик в Киев хоть
Поскакал бы во весь опор.

Все ручьи за тобой — заболочены,
Нивы — выжжены. И ку-ку!..
Вот бы было те славно очинно
Угодить в гарем к степняку!

Я не дурик, не скиф и даже
Не пропащий синдо-меот.
Я с друзьями портвейну вмажу,
А портвейн — он такое могёт!

Может вызвонить из отвала он
Золотой фатимидский дирхем.
Хоть и золотом не избалован,
А дирхем ни пропью, ни проем —

Обменяю на противоядие —
Краснохвостым стыдом по лицу!
И забуду. Забуду я тебя,
Отравитель-

ль-

ль-

ль-

ницу!

УЕЗДНОЕ

Будь проклята Коломна —
Фурункул на горбе.
Колонна на червонно-
Фаллическом гербе.

Маньяки в грязном парке
И курицы в кремле,
Индюшки и цесарки
И ебля в конопле.

Окажешься в Коломне —
На юбки не дивись:
Нет в мире вероломней
Коломенских девиц.

Святая Русь огромна
И без Коломны тож.
Будь проклята Коломна,
Морковка и картош-

Ка-а-а!!!

НА ИЗЛЕЧЕНИЕ КОТА, РОЖДЕННОГО НА БРЕГАХ БОСПОРА КИММЕРИЙСКОГО

Мой кот,
Мой нутряной соавтор,
Ты мною вылечился от
Смертельной тяги аргонавта
К понтийским водам.

 Бычьим бродом
Взлелеянный, ты выжил, выжил.
А ведь ещё вчера
Последний шприц в тебя я выжал
И не пустил в кошачий рай.

Mein Gott!
Ты спишь и видишь, спишь и
Глядишь на райский бутерброд.
Покорны кошки. Тучны мыши.
Страна покоя...
 Но — за кои
Грехи — ты от блаженства спасся?
Нет, лучше — про Тамань.
Разлягся посреди матраса
И на рассвете не горлань.

Банкрот.
Живой. А неудачник.
Жуёшь, сводя клыкастый рот.
Орёшь, орёшь, сикун безбрачный.
Но песни, песни,
 хоть ты тресни,
Не сложишь. Разве что заплачешь
В усы: «Иже еси...»
За то, что выжил, дай мне сдачи —
Артерию перекуси.

* * *

...И пустота, оброненная на пол,
Издаст тупой и приглушённый звук,
И под кровать, куда мой кот наплакал,
Закатится, как в капище наук,
Где с ночи не растраченные храпы
Перебродили в души тараканьи.
И снова — кот. Вылизывает лапы
И грезит о родном Тмуторокане,
Где взрослой жизни шепотным прививкам
Не повториться между двух морей,
Когда его котёночьим загравком
Занюхивали радостно портвейн.
Он возмужал. И проставляет метки.
Пора его кастрировать за это.
Пусть только несъедобные котлетки
Благоухают в стенах туалета.
Так лучше будет. Чик — и вытрут скальпель.
И не страдаешь больше, не шалишь...
И пустоту, скакнувшую на кафель,
Гоняешь, как искусственную мышь.

ТАКАЯ ВОТ КАРТИНКА

Иудей — не эллин.

Эллин — не иудей.

Иудей — брадою убелен.

Эллин — в мире идей.

И при этом иудей — сало ест,

А эллин — винище тянет по-скифски,

Разве что тихий такой, тихий благовест

Не раздаётся окрест

И не портит картинку по-свински.

А где-то — всплеск погребальных пелен

Во спасение двух этих милых людей,

И месяц над Городом чуточку выщерблен...

«Уходи, иудей», — говорит эллин.

«Помолчим, эллин», — думает иудей.

«А я?» — отвечает Грищенко.

В ВОСЕМЬСОТ НАДЦАТЫЕ

Хочу чуть-чуть понесуществовать.
Для понта. Забавы ради.
Чтобы потом: *Вы ради иль не ради?*
И по носу всех — щёлк!
Как бомбочки пощёлкивать,
Полузгивать слова.

А кто-то там — всамделишно
Задумал... Одно задумал!
И не сумел! Поверишь, но
От сердца отлегло...
Без умолку заболтанный,
Засиженный, обнюханный,
С *хандрой* на полкило —
А как
Приятно, чёрт возьми,
Не быть причиной возни
Гра-бы-фици-ка.
За-хы-ха-чу!

И расхочу писать:
Не путешествуется вспять!

ПОСЛЕВСПЯТИЕ

Когда меня процеживают сквозь себя
Друзья, учителя, доброжелатели,
Передо мной как перед штучной особью
Встаёт вопрос: переживать или
На том и успокоиться, что есмь
И просто — есмь, коли случилось быть.
И без меня уже и мир не песнь,
И слово-выкидыш вросло в туземный быт,
И крепко-накрепко сомкнулись словоузы,
И загодя легли епитрахили
Мне на затылок. И на суахили
Пришли переводить
безумненькие музы.